

Д. С. Соколова^{1✉}, А. В. Табаров²

¹Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: d.sokolova1@g.nsu.ru

История исследований неолитического некрополя Тиума (Эфате, Вануату)

В статье рассматриваются результаты многолетних исследований археологического памятника Тиума (о. Эфате, Вануату). Некрополь относится к археологической культуре (традиции) лапита (3 000–2 560 кал. л.н.). Рассмотрены история открытия памятника в 2003 г. и его изучения в течение шести полевых сезонов. Суммарно исследователями было вскрыто 275 м², выявлено 68 погребальных комплексов с останками более 100 индивидуумов. Приведены данные стратиграфии и планиграфии, позволяющие оценить комплексный характер памятника. Проанализирован комплекс орнаментированной керамики, семантика его образов и место ритуальной керамической посуды в ритуале погребения носителей лапита. Представлена эволюция погребального обряда – от многоэтапного процесса захоронения умершего (манипуляции с останками, коллективные захоронения, кремация) в период лапита до индивидуальных, непогробоженных погребений без инвентаря в фазе эруэти. Приводятся данные радиоуглеродного, изотопного и палеогенетического анализов, которые позволяют проследить наличие/отсутствие «полинезийского мотива» (гаплогруппа B4a1a1a) и выдвинуть гипотезу о тайваньском происхождении первых поселенцев. Подчеркивается уникальность памятника для реконструкции ранних этапов заселения Океании, межостровных связей и социальной структуры носителей лапита. Материалы некрополя Тиума позволяют проследить изменение погребальных практик и культурные изменения на протяжении нескольких столетий.

Ключевые слова: Тиума, Вануату, Океания, культурная традиция лапита, некрополь, погребальный обряд, палеогенетика, миграция, австронезийцы.

D. S. Sokolova^{1✉}, A. V. Tabarev²

¹Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: d.sokolova1@g.nsu.ru

A History of Research of the Neolithic Necropolis at Teouma (Efate, Vanuatu)

The article presents the results of the long-term research on the archaeological site of Teouma (Efate Island, Vanuatu). The necropolis belongs to the Lapita cultural tradition (3000–2650 cal. BP). The history of the site's discovery in 2003 and its investigation for over six field seasons are examined. In total, researchers excavated 275 sq. m, revealing 68 burial complexes containing the remains of more than 100 individuals. Stratigraphic and planimetric data are provided, allowing for an assessment of the site's complex nature. The assemblage of ornamented pottery, the semantics of its motifs, and the role of ritual ceramic vessels in the burial ritual of the Lapita people are analyzed. The evolution of the mortuary ritual is presented: from a multi-stage process of burying a deceased person (handling remains, collective burials, cremation) during the Lapita period to individual, undisturbed burials without grave goods in the Erueti phase. Data of radiocarbon, isotopic, and paleogenetic analyses are presented, which allow us to trace the presence/absence of the "Polynesian motif" (B4a1a1a haplogroup) and propose a hypothesis regarding the Taiwanese origin of the first settlers. The unique character of the site for reconstructing the early stages of the settlement of Oceania, inter-island connections, and the social structure of the Lapita people is emphasized. The evidence from the Teouma necropolis allow tracing changes in the burial practices and cultural shifts over several centuries.

Keywords: Teouma, Vanuatu, Oceania, Lapita cultural tradition, necropolis, mortuary ritual, paleogenetic, migration, Austronesians.

Рис. 1. Карта архипелага Вануату с местоположением памятника Тиума (по: [Valentin et al., 2011]).

Тиума (*Teouma*) – археологический памятник в бухте Тиума (о. Эфате, Вануату); некрополь носителей культурной традиции *лапита*, а также культурных фаз *аранус* и *эруэти*. Памятник датируется в диапазоне 3 000–2 560 кал. л.н.

В конце декабря 2003 г. сотрудник Культурного центра Вануату Салкон Йона показал археологу Стюарту Бедфорду из Австралийского национального университета крупный фрагмент керамики с орнаментом, нанесенным зубчатым штампом. Фрагмент был получен от местного жителя Чарли Нати, работавшего бульдозерщиком на строительстве площадки под креветочную ферму в бухте Тиума. С. Бедфорд определил принадлежность фрагмента к раннему этапу культурной традиции *лапита* (далее – КТЛ), оперативно посетил место находки, убедился, что объект поврежден незначительно и организовал охранную зону.

Памятники КТЛ изучаются с 1950-х гг., начиная с раскопок американских археологов Э. Гиффорда и Р. Шутлера-младшего в Новой Каледонии, а от-

дельные фрагменты керамики известны по коллекциям европейских музеев с начала XX в. [Dotte-Sarout, Howes, 2019; Gifford, Shutler, 1956]. Название «лапита» (*lapita*) впервые прозвучало в ходе работ на памятнике 13 в 1952 г., оно является искажением фразы *xapeta'a* (досл. – «копать яму») на языке хавеке. Найденные на памятнике фрагменты керамики были, по мнению Э. Гиффорда, практически идентичны тем, что в 1919–1920 гг. обнаружил во время исследований на Тонга У. Мак-Керн [McKern, 1929].

К моменту находки на о. Эфате в 2003 г. на территориях Меланезии, Микронезии и Полинезии археологам уже было известно более 250 памятников, но именно раскопки в бухте Тиума стали важнейшим событием в истории изучения КТЛ [Mortaigne, 2010].

Официальное название «Тиума» памятник получил в 2004 г., стационарные раскопки начались в июле того же года и производились в течение шести сезонов (2004–2006, 2008–2010 гг.) [Bedford, Spriggs, 2014].

Сегодня памятник находится в северо-восточной части бухты Тиума, в 800 м от берега и на высоте ок. 8 м над ур. м. на террасе, образовавшейся в результате поднятия рифового основания

(рис. 1). Около 3 тыс. л.н. он располагался на мысу, ограниченным побережьем, ручьем с пресной водой и остатками скального массива. Культурные отложения КТЛ перекрыты слоем насыщенной вулканическим пеплом почвы мощностью 0,8–0,5 м и подстилаются стерильным пепловым слоем, который лежит на рифовом основании. В октябре 2003 г. почвенный слой на площади более 1 тыс. м² был сдвинут бульдозером, но культурный горизонт практически не пострадал.

В 2004 г. были определены границы объекта, степень сохранности материала и характер памятника. Было выделено восемь участков (Area 1–8) площадью 57 м².

Участок A1 – периферийный, с материалами периода постлапита. На участке A2 удалось собрать фрагменты керамики раннего периода КТЛ и человеческие кости, но культурные отложения оказались мало-мощными и поврежденными строительной техникой.

Интерес вызвал участок A3 – с мощными культуроросодержащими отложениями, где были заложены

две траншеи (ТЗ, Т3а). В обеих траншеях встречался многочисленный археологический материал – керамика, изделия из базальта и твердого коралла, фрагменты раковин, фаунистические остатки. В углублениях рифового основания были зафиксированы погребальные комплексы, их наибольшая концентрация прослеживалась в восточной части АЗ.

Серия шурфов была заложена на участках А4, А5 и А6 – везде встречены археологические материалы КТЛ и последующего периода. Были заложены участки А7 и А8.

Раскопки 2004 г. позволили определить границы памятника и его уникальный характер – некрополь раннего этапа заселения острова носителями КТЛ (3–2,8 кал. тыс. л.н.). Всего в 2004 г. было зафиксировано 13 погребений.

Сезон 2005 г. специалисты посвятили исследованиям центральной части памятника – раскоп площадью 100 м² был заложен на восток от участка АЗ. В его пределах обнаружены 13 погребений, 11 из них в виде кластера, 1 – в северо-восточной и 1 (кремированное, позднего периода истории некрополя) – в юго-восточной части раскопа.

В 2006 г. задачами сезона стали продолжение раскопок на части памятника, поврежденного техникой в 2003 г. и уточнение границ некрополя КТЛ. Для более точной инструментальной съемки впервые был использован лазерный теодолит. Раскопки на участке АЗ позволили обнаружить 22 погребальных комплекса, что предполагает распространение некрополя (ок. 200 м²) до участка 4А.

На периферийных частях памятника (участки А6, А7 и А8) погребений найдено не было, археологический материал относился к позднему периоду КТЛ и последующим культурам – фазам *аранус* и *ранней эруэти* – в диапазоне 2,8–2,5 кал. тыс. л.н. Археологические материалы ранней эруэти представлены кухонными отходами, фрагментами керамики, следами очагов, скоплениями угля и обожженными камнями.

После этого этапа территория памятника была покинута, культурные отложения перекрыты пепловым слоем от извержения вулкана на о. Нгуна ок. 2,3 кал. тыс. л.н.

За первые три сезона на памятнике Тиума было вскрыто 275 м². При этом общая площадь памятника оценивается в пределах 10–9 тыс. м² [Bedford, Spriggs, Regenvanu, 2006].

Второй цикл исследований на памятнике Тиума также состоял из трех сезонов – 2008–2010 гг.

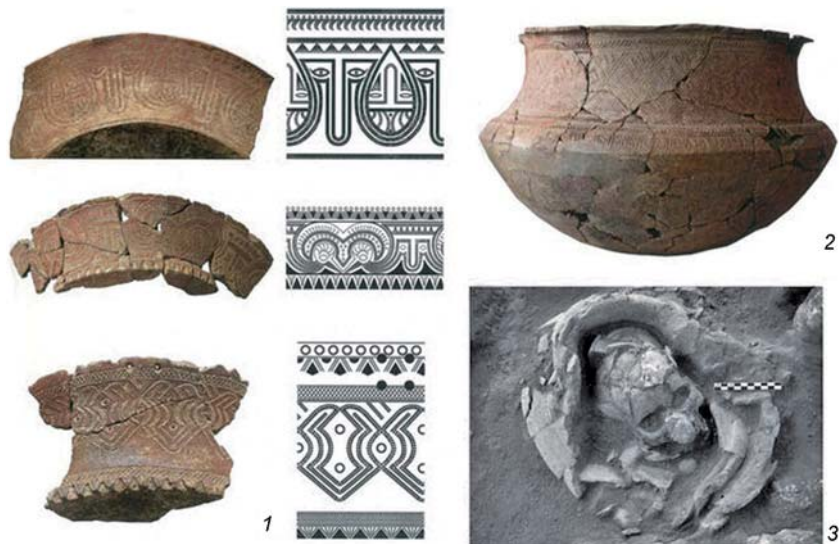

Рис. 2. Керамика КТЛ.

1 – примеры орнамента на керамике (по: [Bedford et al., 2010]); 2 – восстановленный сосуд (по: [Bedford et al., 2010]); 3 – погребение черепа в керамическом сосуде (по: [Bedford et al., 2007]).

В 2008–2009 гг. работы велись на западной прирезке к участку АЗ, более 20 м² было вскрыто на участке А7 (7с) на естественном возвышении. Был обнаружен кластер из 5 погребений взрослых индивидуумов, располагавшихся на глубине 0,2 м от поверхности. Радиоуглеродный анализ указал на возраст ок. 2,4 кал. тыс. л.н.

В 2010 г. сделана прирезка к участку АЗ (83 м²). В пределах раскопа 2005 г. были зафиксированы погребальные комплексы, а 2006 г. – свидетельства потребления пищи. Возможно, на этом участке могла находиться ритуальная площадка для поминальных пиров. Однако эта версия не подтвердилась. При расширении раскопа 2005 г. были найдены 2 детских скелета – их возраст оценивается в 2,8–2,6 кал. тыс. л.н. Всего на памятнике найдено 68 погребальных комплексов с останками более 100 индивидуумов. До исследований на Тиума в ареале распространения КТЛ было известно всего 11 погребений [Bedford et al., 2011].

В итоге шести полевых сезонов был изучен уникальный памятник из двух зон – некрополя (Cemetery Zone) и зоны с кухонными отходами (Midden Zone). В пределах обеих зон зафиксирована сходная стратиграфия из трех горизонтов – древнейший, слой 3, является одновременным в зоне с погребениями и в зоне с кухонными отходами; слой 2, содержащий кухонные отходы и перекрывающий слой с погребениями с мощностью до 0,5 м; слой 3 представлен насыщенной пеплом отложениями, не содержащих культурных остатков, за исключением участка 7С.

Обнаруженный на памятнике керамический материал разнообразен. Всего найдено более 70 сосудов с орнаментом, нанесенным зубчатым штампом, из них 6 сосудов подлежали восстановлению (рис. 2, 1–2). Основная часть посуды найдена в пределах участ-

ков А3 и А4, отдельные фрагменты зафиксированы на участках А2 и А5. Большая часть керамического материала датирована возрастом 3 050–2 750 кал. л.н., что хронологически и стилистически соответствует периоду ранней лапиты (Early Lapita Style), часть – периоду средней лапиты (Middle Lapita Style), единичные фрагменты – временам позднего (Late Lapita Style) или переходного периодов [Valentin et al., 2011].

Комплекс керамической посуды подразделяется на плоскодонные тарелки (диаметр 28–45 см), тарелки на цилиндрических подставках (диаметр ок. 30 см), сосуды округлой формы с рельефно выраженными плечиками и плоским дном (диаметр 15–55 см), а также шаровидные сосуды с отогнутым венчиком. Вариативность форм и размерного ряда отражает функциональное (ритуальное или бытовое) назначение.

Орнаментальные композиции на сосудах отличаются многообразием. Прослеживается эволюция декорирования – сложные технологически и наполненные символикой варианты характерны для ритуальной посуды раннего этапа существования памятника (3 050–2 750 кал. л.н.), бытовая посуда имеет более простое оформление. Орнаментальная составляющая последовательно деградирует и для ранней эруэти уже характерны минимальные геометрические мотивы или их полное отсутствие. Стираются различия между бытовой и ритуальной посудой, что свидетельствует о кардинальных изменениях в погребальной традиции [Bedford, Spriggs, 2007; Spriggs, Bedford, 2013].

По своим технологическим, морфологическим и орнаментальным характеристикам керамическая посуда памятника совпадает с изделиями КТЛ с Новой Каледонии, островов Санта-Крус и Архипелага Бисмарка, что свидетельствует об общем происхождении и возможных межостровных контактах.

Способы нанесения орнамента указывают на развитую технологию – прослеживаются узоры, нанесенные зубчатым штампом, процарапыванием, налепом, аппликацией и инкрустацией. Композиции состоят из геометрических, растительных, зооморфных, орнитоморфных и антропоморфных элементов с рядом вариантов и модификаций. Присутствует закономерность расположения и сочетания элементов на различных частях сосудов. Особый интерес у исследователей вызывает антропоморфная символика – она связана с особенностями погребального ритуала, предусматривающего манипуляции с головами умерших. Сосуды играли важную роль в общем контексте погребального инвентаря – в них помещали украшения из раковин (*Conus pn.*) и клыков одомашненных свиней, останки погребенных (рис. 2, 3) [Valentin et al., 2011].

На памятнике Тиума зафиксированы погребения двух периодов – раннего периода КТЛ и ранней эруэти. В примерно равном соотношении присутствуют останки взрослых мужчин и женщин, незначительный процент приходится на младенцев до 6 месяцев и пожилых, отсутствует возрастная категория 6–15 лет.

К ранней эруэти отнесено 5 погребений взрослых [Valentin et al., 2011].

Погребения КТЛ сконцентрированы на площадке 10 × 15 м в пределах участков А2, А2В и А3 в полостях рифового основания и пеплового слоя. Фактически в некрополе нет ни одного анатомически полного скелета, поэтому исследователями выделены группы погребений – с частичным сохранением анатомического порядка костей скелета, с нарушенным порядком, собрания отдельных частей скелета и особые случаи. Вероятно, это результат многоэтапного ритуала погребения, включавшего манипуляции с телом умершего до, в процессе и после захоронения. Погребенные располагались на спине, на животе, в скорченном или полускорченном положении. У ок. 80 % скелетов нарушен порядок или отсутствуют кости верхней части тела, в погребениях взрослых оригинальные черепа не представлены, часто отсутствуют кости нижней части тела (рис. 3, 1). В полном анатомическом порядке находятся только захоронения младенцев [Valentin et al., 2016a].

Прослеживаются 2 варианта погребального ритуала: манипуляции (подрезание суставов коленей, лодыжек и запястий) с еще не разложившимся телом с отделением или перемещением конечностей, или манипуляции с практически разложившимся телом, или со скелетом с изъятием отдельных костей и их перераспределением в другие захоронения/концентрации в специальных местах некрополя. Это прослеживается по головам, которые отделялись от тела независимо от пола погребенного и помещались индивидуально, парно или даже по три (например, 10А-С), в другие погребения [Valentin et al., 2016a].

Неясность представляют собрания отдельных костей скелетов. Они содержат кости двух и более индивидов из разных погребений – кости черепа, верхней части тела и отделов позвоночника (рис. 3, 2). Они располагаются на удалении от основной концентрации погребений, в пределах конкретного погребения, в керамическом сосуде, в варианте поздней интеграции костей в погребение. Например, захоронение В10, разделенное на вторичное погребение В10 и захоронение без анатомического порядка В10Е.

К особым случаям относятся захоронения младенцев и маленьких детей, а также захоронение В26. Детские скелеты обнаружены в полном анатомическом порядке. Захоронение В26 представляет собой единичный случай кремации. Оно располагается на насыпи в 5 м от окружающих его захоронений. Сожженные останки содержат 460 фрагментов костей, 68 из них идентифицированы. Кости черепа обнаружены не были [Valentin et al., 2011, p. 51].

Погребальный инвентарь присутствует практически во всех погребениях – он представлен декорированными керамическими сосудами и украшениями из раковин (*Conus pn.* и *Trochus pn.*) – кольцами и браслетами. В ряде случаев они найдены на месте отсут-

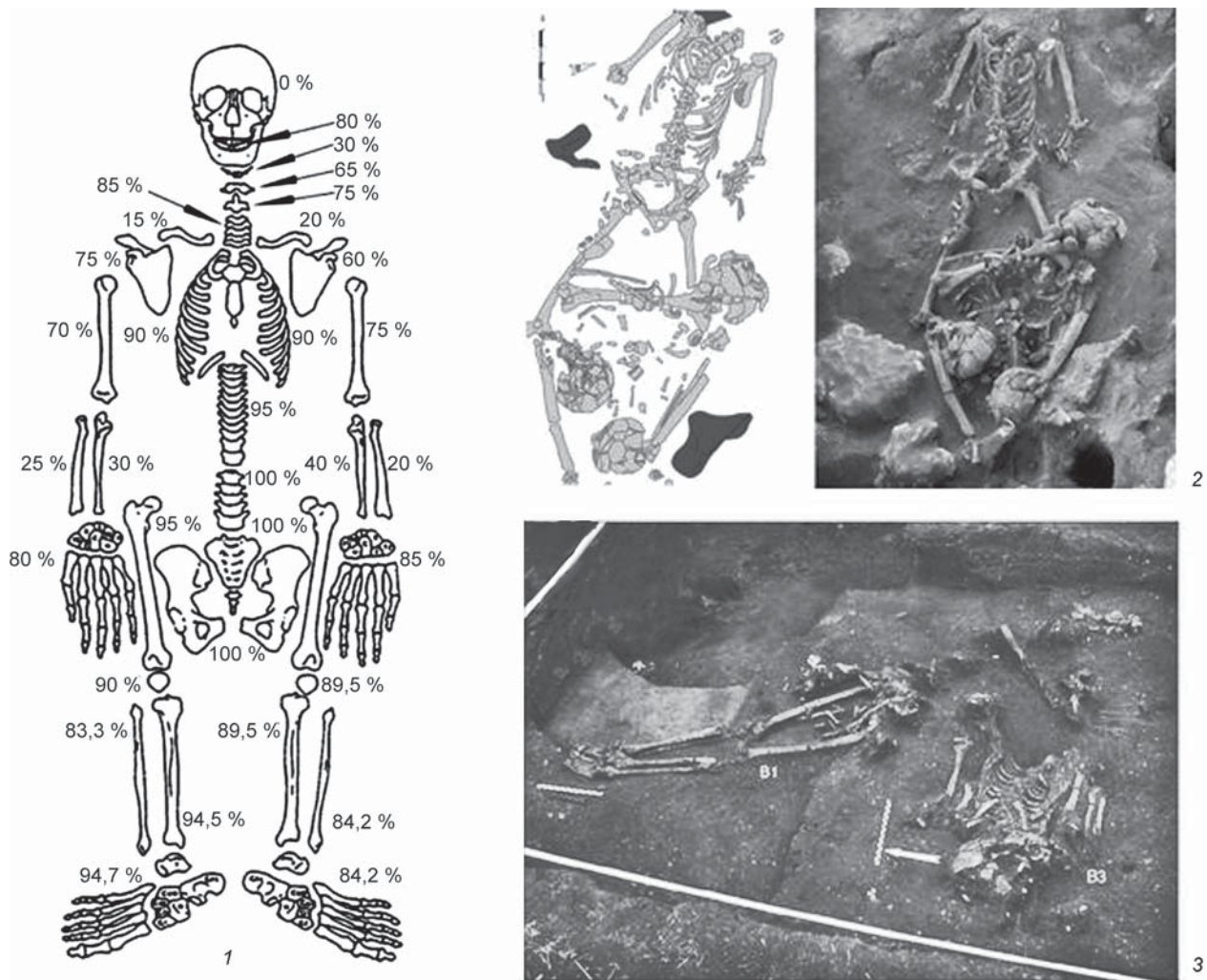

Рис. 3. Погребения памятника Тиума.

1 – указание среднего процентного соотношения отсутствия костного материала в скелете (по: [Valentin et al., 2010]); 2 – пример захоронения с реинтеграцией останков (по: [Bedford et al., 2009]); 3 – захоронения периода ранней эруэти (по: [Valentin et al., 2011]).

ствующего черепа. Встречаются фрагменты панцирей черепах, уложенные на погребенных в виде доспеха, а также створки мангровых моллюсков (*Geloina coxans*), расположенных на тазовых костях и суставах конечностей. Инвентарь детских погребений скром – отдельные мелкие раковины (*Cypraea sp.*) [Valentin et al., 2011].

К периоду ранней эруэти относится 5 погребений (B1, B2A, B2B, B3, B4) (рис. 3, 3). Погребения обнаружены на участке 7С, они располагались на глубине ок. 20 см от дневной поверхности. Два погребения обнаружены в пепловом слое и три – в пределах раковинной кучи. Кластер датируется временем 2 600–2 400 кал. л.н. Все погребения индивидуальные, для трех определен пол (женский), тела ориентированы либо головой на запад, либо на юго-восток, в вытянутом положении на спине или в полускорченном на боку. Все скелеты анатомически полные. Эти различия с погребальным ритуалом периода КТЛ усиливает и отсутствие сопроводительного инвентаря – свиде-

тельство иного отношения к умершим, вывод их за пределы общества, прекращение общения с ними [Valentin et al., 2011, p. 52].

Памятник Тиума обеспечен базой радиоуглеродных определений – 38 дат сделаны по различным видам органики: древесный уголь, раковины, фаунистические остатки – вымерших гигантских рогатых сухопутных черепах (*Meiolania damelipi*), свиней (*Sus scrofa domesticus*), куриц (*Gallus gallus domesticus*). Продатированы костные материалы по 36 погребениям и 5 фрагментам раковин (*Conus sp.*). Это позволяет определить время существования некрополя КТЛ в рамках 2 940–2 880 кал. л.н. с максимально ранней даты 2 970 кал. л.н. и временем последнего захоронения не позднее 2 680 кал. л.н. Продолжительность существования некрополя оценивается от 240 до 150 лет [Petchey et al., 2015].

В 2016 г. международной группе специалистов удалось извлечь ДНК из образцов височных костей по трем погребениям на памятнике Тиума (номера 30А,

10В и 17 – 3 110–2 740 кал. л.н.) и одному из погребения на памятнике Таласуи (о. Тонгатапу) периода поздней лапита и пост-лапита (2 680–2 340 кал. л.н.). Это первый удачный опыт получения палеогенетических данных по материалам из тропической части Пацифики. Согласно данным митохондриальной ДНК, все три образца из некрополя Тиума принадлежали женщинам с гаплогруппой B4a1a1a – т.н. Полинезийский мотив. Вместе с образцом из Таласуи они образуют кластер, основные сходства которого прослеживаются с группами населения на о. Тайвань и в северной части Филиппинского архипелага, в Новой Гвинее. Вероятно, что древние обитатели памятника Тиума являлись частью первой волны австронезийской миграции, истоки которой находятся на Тайване [Hayes et al., 2024].

Изотопный анализ, проведенный по образцам зубной эмали 17 погребений некрополя КТЛ показал: 13 демонстрируют акцент на морепродукты в рационе, а также использование местной пресной воды, в то время как у четырех погребенных (погр. 3, 10Е, 15 и 18) наблюдается преобладание растительного и прибрежного компонентов в питании, а также дождевой воды. На фоне специфики их диеты следует отметить и особенности в погребальном контексте – положение тела на спине головой на юг, локализация в пределах некрополя, совмещение в одном погребении трех «местных» черепов (10А-С) и скелета «мигранта» (10Е) – признак иного социального положения в группе. Предполагаются две версии: 1) «мигранты» – члены первой группы поселенцев, прибывших на о. Эфате; 2) «мигранты» – результат межостровных контактов между группами. Вероятна связь с архипелагом Бисмарка, обсидиан с которого прослеживается на о-вах Вануату [Valentin et al., 2016a].

Изотопные анализы коллагена по 49 индивидуумам детализировали рацион питания – он включал 98 существующих видов животных и растений, а также 71 отсутствующий вид. Основу питания составляли морепродукты, наземные растения и животные, включая одомашненных свиней и кур. Различия в рационе мужчин и женщин, с более высоким значением протеиновой пищи у первых, может отражать экономические особенности разделения труда у представителей разных полов, известное по этнографическим наблюдениям XVIII–XIX вв. в Папуа Новой Гвинее, Полинезии. Возможен и вариант с перераспределением высокобелковой пищи в пользу мужчин, занимавших более высокое положение в обществе [Kinaston et al., 2014].

Данные сравнительного анализа рациона населения периода КТЛ и последующей фазы эруэти показывают, что для вторых характерен менее разнообразный диапазон питания, снижается протеиновый компонент, изменяется видовой состав рыб и морепродуктов, увеличивается доля растительной пищи. Вместе с этим происходит и выравнивание рациона

питания обоих полов, что отражает социальные изменения [Valentin et al., 2014].

В области изучения антропологических материалов, анализ особенностей строения черепов показывает минимальное сходство метрических показателей носителей КТЛ памятника Тиума с современными группами в Австралии и Меланезии, но близок с южно-китайскими, западно-микронезийскими и с полинезийскими сериями [Valentin et al., 2016b].

Основная научная площадка для обсуждения проблем изучения КТЛ – серия конференций «International Lapita Conference», берущая свое начало с семинара «Lapita Design Workshop», организованного в 1988 г. Серия быстро превратилась в международный форум с участием специалистов из Европы, Америки и стран Тихоокеанского бассейна.

На 8-й конференции (Порт-Вила, 2015 г.) центральной темой обсуждения стали результаты раскопок на памятнике Тиума. Приводились аналогии с манипуляциями частей скелетов в погребениях некрополя и неолитических памятников на о. Тайвань, о-вах Лусон и Минданао (Филиппины), а также о. Флорес (Индонезия); рассматривалась роль одомашненных свиней в рационе и ритуале; предлагалась интерпретация ведущего орнаментального мотива на керамике – вместо варианта «двойное лицо» вариант «голова + маска» и его связь с мужскими персонажами; аргументировалась статусная роль изделий из импортного обсидиана и т.д.

Таким образом, материалы памятника Тиума позволяют реконструировать начальные этапы заселения региона и, одновременно, продолжают сохранять потенциал для дискуссии и дальнейших исследований. Во-первых, остаются нерешенными вопросы локализации поселенческого комплекса, существовавшего одновременно с некрополем КТЛ, площадок для изготовления керамических сосудов, свидетельств контактов обитателей о. Эфате с соседними островами в пределах архипелага и за его пределами. Во-вторых, открыто обсуждение относительно места памятника Тиума в контексте всей картины КТЛ, принадлежности его материалов к раннему этапу миграции и заселения о-вов Океании, проявлением общих и локальных черт в погребальном обряде и в орнаментике керамики. Отметились в этой дискуссии и российские специалисты, указав на параллели в орнаментике сосудов на памятниках КТЛ и мотивов татуировок, существовавших в Океании в XVIII – начале XX в. [Агапова, Ковалева, Табарев, 2021]. В-третьих, расширяется спектр естественнонаучных методов. Примерами служат результаты анализа остатков лучеперстных рыб из кухонных скоплений, указывающие, что наряду с морским существовало место занимало и речное рыболовство – из 8 560 костных экземпляров 1 368 (16 %) принадлежит пресноводным видам (*Giuris*, *Ophiocara*, *Eleotris*) [Bouffandeau et al., 2019].

Финансирование

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0002 «Общее и особенное в траекториях развития древних культур Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до Средневековья».

Список литературы

Агапова А. Р., Ковалева Н. Н., Табаров А. В. Декоративные традиции в древних культурах Тихоокеанского бассейна: орнаментика керамики лапита и полинезийская татуировка // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2021. – № 1. – С. 5–14.

Bedford S., Spriggs M. Birds on the rim: A unique Lapita carinated vessel in its wider context // *Archaeology in Oceania*. – 2007. – Vol. 42. – P. 12–21.

Bedford S., Spriggs M. The Archaeology of Vanuatu: 3,000 Years of History across Islands of Ash and Coral // *The Oxford Handbook of Prehistoric Oceania* / eds. E. Cochrane, T. Hunt. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. – Vol. 1. – P. 1–17.

Bedford S., Spriggs M., Buckley H. R., Valentin F., Regenvanu R., Abong M. A Cemetery of First Settlement: the Site of Teouma, South Efate, Vanuatu // *Lapita: Oceanic Ancestors*. – Somogy Editions d'Art, 2010. – Vol. 1. – P. 140–161.

Bedford S., Spriggs M., Buckley H. R., Valentin F., Regenvanu R. The Teouma Lapita Site, South Efate, Vanuatu: A Summary of Three Field Seasons (2004–2006) // *Lapita: Ancestors and Descendants* / ed. P. J. S. T. A. G. R. S. – Monograph 28. – 1st ed. – New Zealand: New Zealand Archaeological Association, 2009. – P. 215–234.

Bedford S., Spriggs M., Regenvanu R. The Teouma Lapita site and the early human settlement of the Pacific Islands // *Antiquity*. – 2006. – Vol. 80. – P. 812–828.

Bedford S., Spriggs M., Regenvanu R., Macgregor C., Kuautonga T., Sietz M. The excavation, conservation and reconstruction of Lapita burial pots from the Teouma site, Efate, Central Vanuatu // *Terra Australis*. – 2007. – Vol. 26. – P. 223–240.

Bedford S., Buckley H., Valentin F., Tayles N., Longga N. F. Lapita Burials, a New Lapita Cemetery and Post-Lapita Burials from Malakula, Northern Vanuatu, Southwest Pacific // *J. of Pacific Archaeology*. – 2011. – Vol. 2, N 2. – P. 26–48.

Bouffandeau L., Béarez P., Keith P., Bedford S., Spriggs M. Freshwater fishing among Lapita people: The Sleepers (Teleostei: Eleotridae) of Teouma, Vanuatu // *J. of Archaeol. Sci.: Reports*. – 2019. – Vol. 26. – A.101894.

Dotte-Sarout E., Howes H. Lapita before Lapita: The Early Story of the Meyer/O'Reilly Watom Island Archaeological Collection // *J. of Pacific History*. – 2019. – Vol. 54, N 3. – P. 354–378.

Gifford E. W., Shutler D. Archaeological excavations in New Caledonia // *Anthropological Records*. – Vol. 18, N 1. – Berkeley: Univ. of California Press, 1956. – 125 p.

Hayes S., Buckley H. B., Valentin F., Bedford S., Spriggs M. aDNA, ethnography, and facial approximations of the Teouma Lapita burials (c. 3000BP) // *J. of Archaeol. Sci.* – 2024. – Vol. 162. – A.105916.

Kinaston R., Buckley H., Valentin F., Bedford S., Spriggs M. Lapita Diet in Remote Oceania: New Stable Isotope

Evidence from the 3000-Year-Old Teouma Site, Efate Island, Vanuatu // *PLoS ONE*. – 2014. – Vol. 9, N 3. – e90376.

Mckern W. C. Archaeology of Tonga, Honolulu // *Bernice Pauahi Bishop Museum Bull.* – 1929. – Vol. 60. – 123 p.

Mortaigne V. Lapita: Oceanic Ancestors – review // *Guardian UK*. – 29 December 2010.

Petchey V. F., Spriggs M., Bedford S., Valentin F. The chronology of occupation at Teouma, Vanuatu: Use of a modified chronometric hygiene protocol and Bayesian modeling to evaluate midden remains // *J. of Archaeol. Sci.: Reports*. – 2015. – Vol. 4. – P. 95–105.

Spriggs M., Bedford S. Is there an Incised Lapita Phase after Dentate-stamped Pottery Ends? Data from Teouma, Efate Island, Vanuatu // *Pacific Archaeology: Documenting the Past 50,000* / eds. G.R. Summerhayes, H. Buckley. – Dunedin: Univ. of Otago, 2013. – P. 148–156.

Valentin F., Bedford S., Buckley H. R., Spriggs M. Lapita Burial Practices: Evidence for Complex Body and Bone Treatment at the Teouma Cemetery, Vanuatu, Southwest Pacific // *J. of Island and Coastal Archaeol.* – 2010. – Vol. 5, N 2. – P. 212–235.

Valentin F., Détroit M. J. T., Spriggs M., Bedford S. Early Lapita skeletons from Vanuatu show Polynesian craniofacial shape: Implications for Remote Oceanic settlement and Lapita origins // *PNAS*. – 2016b. – Vol. 113, N 2. – P. 292–297.

Valentin F., Spriggs M., Bedford S., Buckley H. Vanuatu mortuary practices over three millennia: Lapita to the early European contact period // *J. of Pacific Archaeol.* – 2011. – Vol. 2, N 2. – P. 49–65.

Valentin F., Herrscher E., Bedford S., Spriggs M., Buckley H. Evidence for Social and Cultural Change in Central Vanuatu Between 3000 and 2000 BP: Comparing Funerary and Dietary Patterns of the First and Later Generations at Teouma, Efate // *J. of Island and Coastal Archaeol.* – 2014. – Vol. 9, N 3. – P. 381–399.

Valentin F., Allièse F., Bedford S., Spriggs M. Réflexions sur la transformation anthropique du cadavre: le cas des sépultures Lapita de Teouma (Vanuatu) // *Bull. et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*. – 2016a. – Vol. 28, N 1–2. – P. 39–44.

References

Agapova A. R., Kovaleva N. N., Tabarev A. V. Декоративные традиции в древних культурах Тихоокеанского бассейна: орнаментика керамики лапита и полинезийская татуировка. In *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2021. No. 1. P. 5–14. (In Russ.).

Bedford S., Spriggs M. Birds on the rim: A unique Lapita carinated vessel in its wider context. *Archaeology in Oceania*, 2007. Vol. 42. P. 12–21.

Bedford S., Spriggs M. The Archaeology of Vanuatu: 3,000 Years of History across Islands of Ash and Coral. In *The Oxford Handbook of Prehistoric Oceania*. Vol. 1. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. P. 1–17.

Bedford S., Spriggs M., Buckley H. R., Valentin F., Regenvanu R., Abong M. A Cemetery of First Settlement: the Site of Teouma, South Efate, Vanuatu. In *Lapita: Oceanic Ancestors*. Somogy Editions d'Art, 2010. Vol. 1. P. 140–161.

Bedford S., Spriggs M., Buckley H. R., Valentin F., Regenvanu R. The Teouma Lapita Site, South Efate, Vanuatu: A Summary of Three Field Seasons (2004–2006). In *Lapita: Ancestors and Descendants*. Monograph 28. 1st ed. New

Zealand: New Zealand Archaeological Association, 2009. P. 215–234.

Bedford S., Spriggs M., Regenvanu R. The Teouma Lapita site and the early human settlement of the Pacific Islands. *Antiquity*, 2006. Vol. 80. P. 812–828.

Bedford S., Spriggs M., Regenvanu R., Macgregor C., Kuautonga T., Sietz M. The excavation, conservation and reconstruction of Lapita burial pots from the Teouma site, Efate, Central Vanuatu. *Terra Australis*, 2007. Vol. 26. P. 223–240.

Bedford S., Buckley H., Valentin F., Tayles N., Longga N. F. Lapita Burials, a New Lapita Cemetery and Post-Lapita Burials from Malakula, Northern Vanuatu, Southwest Pacific. *J. of Pacific Archaeol.*, 2011. Vol. 2, No. 2. P. 26–48.

Bouffandeau L., Béarez P., Keith P., Bedford S., Spriggs M. Freshwater fishing among Lapita people: The Sleepers (Teleostei: Eleotridae) of Teouma, Vanuatu. *J. of Archaeol. Sci.: Reports*, 2019. Vol. 26. A.101894.

Dotte-Sarout E., Howes H. Lapita before Lapita: The Early Story of the Meyer/O'Reilly Watom Island Archaeological Collection. *J. of Pacific History*, 2019. Vol. 54, No. 3. P. 354–378.

Gifford E. W., Shutler D. Archaeological excavations in New Caledonia. *Anthropological Records*. Vol. 18, No. 1. Berkeley: Univ. of California Press, 1956. 125 p.

Hayes S., Buckley H. B., Valentin F., Bedford S., Spriggs M. aDNA, ethnography, and facial approximations of the Teouma Lapita burials (c. 3000BP). *J. of Archaeological Sci.*, 2024. Vol. 162. A.105916.

Kinaston R., Buckley H., Valentin F., Bedford S., Spriggs M. Lapita Diet in Remote Oceania: New Stable Isotope Evidence from the 3000-Year-Old Teouma Site, Efate Island, Vanuatu. *PLoS ONE*, 2014. Vol. 9, No. 3. P. e90376.

Mckern W. C. Archaeology of Tonga, Honolulu. In *Bernice Pauahi Bishop Museum Bull.*, 1929. Vol. 60. 123 p.

Mortaigne V. Lapita: Oceanic Ancestors – review. *Guardian UK*, 29 December 2010.

Petchey V. F., Spriggs M., Bedford S., Valentin F. The chronology of occupation at Teouma, Vanuatu: Use of

a modified chronometric hygiene protocol and Bayesian modeling to evaluate midden remains. *J. of Archaeol. Sci.: Reports*, 2015. Vol. 4. P. 95–105.

Spriggs M., Bedford S. Is there an Incised Lapita Phase after Dentate-stamped Pottery Ends? Data from Teouma, Efate Island, Vanuatu. In *Pacific Archaeol.: Documenting the Past 50,000*. Dunedin: Univ. of Otago, 2013. P. 148–156.

Valentin F., Bedford S., Buckley H. R., Spriggs M. Lapita Burial Practices: Evidence for Complex Body and Bone Treatment at the Teouma Cemetery, Vanuatu, Southwest Pacific. *J. of Island and Coastal Archaeology*, 2010. Vol. 5, No. 2. P. 212–235.

Valentin F., Détroit M. J. T., Spriggs M., Bedford S. Early Lapita skeletons from Vanuatu show Polynesian craniofacial shape: Implications for Remote Oceanic settlement and Lapita origins. *PNAS*, 2016b. Vol. 113, No. 2. P. 292–297.

Valentin F., Spriggs M., Bedford S., Buckley H. Vanuatu mortuary practices over three millennia: Lapita to the early European contact period. *J. of Pacific Archaeol.*, 2011. Vol. 2, No. 2. P. 49–65.

Valentin F., Herrscher E., Bedford S., Spriggs M., Buckley H. Evidence for Social and Cultural Change in Central Vanuatu Between 3000 and 2000 BP: Comparing Funerary and Dietary Patterns of the First and Later Generations at Teouma, Efate. *J. of Island and Coastal Archaeology*, 2014. Vol. 9, No. 3. P. 381–399.

Valentin F., Allière F., Bedford S., Spriggs M. Réflexions sur la transformation anthropique du cadavre: le cas des sépultures Lapita de Teouma (Vanuatu). *Bull. et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*, 2016a. Vol. 28, No. 1–2. P. 39–44.

Соколова Д. С. <https://orcid.org/0009-0002-8835-7516>

Табарев А. В. <https://orcid.org/0000-0002-6249-8057>

Дата сдачи рукописи: 31.03.2026 г.